

риемлемость для «нас», т. е. для идеологов победившего пролетариата, строящего социализм. Оставалось искать в литературе XVIII в. родственные по духу пролетариату Советского Союза явления.

Но их было известно очень мало. Предполагая, что где-то существуют залежи этой плебейской литературы, Десницкий и особенно Мирский требуют исследования и обнародования этих предполагаемых богатств крестьянского, антидворянского творчества. Вкладчики «Литературного наследства» № 9—10, профессионально работающие исследователи, сделали все, что могли, в поисках этой литературы.

Сегодня снова возникает вопрос, что же на самом деле думали такие высокообразованные интеллигенты, как Мирский и Десницкий, настаивая на необходимости в первую очередь изучать «третье-сословную» (термин Десницкого) или плебейско-крестьянскую «литературу». Хотелось бы понять, как можно было всему, сделанному Ломоносовым, Державиным, Карамзиным, победоносно противопоставлять «Плач холопов» при всей его социальной выразительности.

Точка зрения Десницкого становится понятной в ее собственной логике только в том случае, если мы предположим, что борец с плехановским меньшевизмом разделял (может быть, вместе с Горьким в 1917—1922 гг.) основную идею РСДРП (меньшевиков) о возможности в России буржуазной революции и той роли, которая в этой революции должна принадлежать буржуазии.

Именно на эту меньшевистскую «слабость» концепции Десницкого указывал Мирский.

Участие в этой дискуссии Д. Мирского особенно для нас интересно. В Париже и Лондоне Мирский, конечно, чувствовал себя равноправным участником литературной жизни русской эмиграции. В Москве первой половины 1930-х гг. он, вероятно, не нашел никого, сколько-нибудь, как тогда говорили, «социально близкого», вернее духовно родственного, хотя какие-то могики «дооктябрьского» прошлого еще были живы. Например, был еще жив Андрей Белый, о котором Мирский в «Истории русской литературы» писал проникновенно и тонко.

Основное в идеях Десницкого — это развернутое определение тех сил, которые в культуре противостояли дворянству в XVIII в.: «Крепостное крестьянство и русское третье сословие — крупная торгово-промышленная буржуазия, городская мелкая буржуазия и служилая интеллигенция, городское и сельское белое духовенство, свободное крестьянство, фабрично-заводской и ремесленный пролетариат — стоявшие в целом и в отдельных своих классовых группах в тех или иных формах и степенях противоречия к господствующему дворянскому сословию и к сохранившим кое-что от своего феодального величия „князьям церкви“, — должны